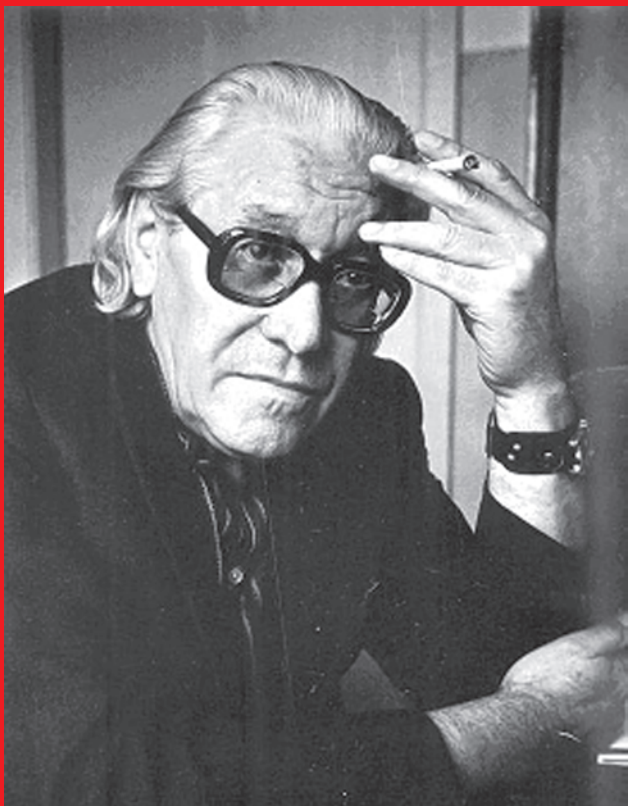

Имя Петра Сальникова в летописи писательской организации соловьиного края в ряду самых почитаемых. Известный российский прозаик, фронтовик. Он переехал в Курск из Тулы по приглашению давнего своего друга писателя Евгения Носова и сразу же получил доверие собратьев по перу – его избрали ответственным секретарем региональной организации Союза писателей России.

Петр Георгиевич проявил себя не только великолепным мастером слова и умелым организатором. Он был добрым, умным, чутким наставником молодых, а ещё – непревзойдённым редактором. Автору этих строк посчастливилось получать поддержку П.Г. Сальникова от первых творческих публикаций до рекомендации в Союз писателей России.

Ученики и книги – достойное наследие Петра Георгиевича, 90-летие которого мы отмечаем нынешним летом. В ряду юбилейных событий – учреждение Издательским домом «Славянка» премии имени Сальникова за лучшую книгу года.

Книги писателя-солдата, исследователя творчества великого Льва Толстого можно приобрести в Курском Доме литератора.

Николай ГРЕБНЕВ

Точило

Я родился в невеликом городке Плавске, что на Тульшине, в семье рабочих-умельцев. Дед, отец и дядя мои на нашей слободе слыли мастерами на все руки. Все — от самопального ружья до гроба — они могли сладить саморучно. Помимо всякой работы по металлу, малярного, кровельного и столярного дел, они подряжались иногда в ближних деревнях рубить избы.

Дед Ксенофонт Кондратьевич наладку инструмента не доверял никому, хотя отец и любой из моих дядьев мог это делать не хуже его. Ну такой у него норов. И вот однажды, собираясь в подряд, дед вынес из сарая огромное точило. Тяжеленное — двум мужикам не поднять. Стояло оно упористым козлом на четырех дубовых ногах. Под круглым, как жернов, песчаником подвешено долбленое корытце. Дед налил туда воды, смазал дегтем втулки, в которых держалась ось кругляка, обе приводные шестеренки, принес плотницкие топоры, долота, стамески и скребки для сдирания коры с дерев. Повязал ремешок на голову, чтоб не спадали волосы на лоб, подозвал меня и сказал:

— Ну, Петра, крути-верти! Будя бегать, не маленький, небось, картузом не сшибешь уже...

Тайком я уже не раз пробовал крутить то самое точило. Вхолостую у меня получалось куда как ловко! Но тут, хоть и обрадовался такому доверию, к точильному станку подошел не без робости: как-то у меня получится теперь? Ручка большущая, четыре моих ладони. Я скоро упыхался, но виду не подаю. А когда взмокла рубашка на лопатках, дед велел передохнуть. Полапал огромной ручищей бороду, а потом потеревил мои волосенки на голове и сделал вид, что это я его так умаял, а не он меня.

— Ты больно-то не шустри, Петра. Эдак и топоры погорят...

Дед сел на завалянку и набил трубку. Польщенный похвалой, я примостился рядышком. Руки мои гудели гудом и, должно, от солнца колюче пестрило в глазах.

— Бабка сказывала, нынешней осенью ты в школу пойдешь?

— Ага! — с пугливой радостью ответил я.

— Мать букварь-то купила?

— Угу! И арифметику...

— Вот подрастешь, читать насобачишься, я тебе книжку про механику в Туле куплю. Станки, настоящие машины крутить научишься. А эту каменную дудыргу — дед трубкой показал на точило — мы цыганам подарим.

Не раз еще взмокала рубашка на мне, немало просыпалось огнистого крошева из глаз, пока дед не дал остановку.

— Будя! Молодец, Петра.

После точила он принялся доводить топоры и долота на брусках и оселках до огневой остроты, какую тут же и

